

Глава 2. Проникновение

Лучше умереть, когда хочется жить,
чем дожить до того, что захочется умереть.

Эрнест Шеклтон

Чернобровый альбатрос.

2.1. В пять утра просыпаюсь от удара волны в стекло. Я живу на самом нижнем уровне, поэтому каждые несколько секунд становится темно - вода поднимается гораздо выше иллюминатора. Вчера, после выхода из Ушуайи, иллюминаторы во всех каютах нашего яруса задраили стальными крышками, но я нашел швабру и свой отдраил обратно. Я также убедился, что могу при необходимости открыть его совсем и протиснуться наружу, изучил расположение лестниц, спасжилетов и шлюпок. Мне уже доводилось попадать в кораблекрушение.

На палубе холодно и ветрено. Вслед за кораблем, покачиваясь на длинных узких крыльях, летит десяток альбатросов и гигантских буревестников. Альбатросы висят в воздухе почти неподвижно, лишь изредка выхватывая что-то из-под винтов. С помощью чуть заметных поворотов хвоста они ухитряются ловить малейшие изменения в воздушном потоке, описывать широкие зигзаги, не отставать от теплохода и даже обгонять его время от времени. Гигантские буревестники далеко не столь изящны, однако тоже не отстают.

Нахожу уголок на корме, где меньше дует и стоит автомат с горячим кофе. Оттуда долго наблюдаю за воздушным балетом. Время от времени к компании присоединяются гигантские альбатросы - странствующие и королевские. Размах крыльев у них больше трех метров, но полет настолько легкий, что глаз не в состоянии правильно оценить размер. Птицы кажутся совсем небольшими, пока не подлетят совсем близко. Тогда понимаешь, что у них клюв длиной с чайку.

Больше пока ничего интересного не появляется, и я отправляюсь исследовать корабль. Он германской постройки, когда-то возил персонал на советские полярные станции, потом был продан норвежцам и полностью переделан изнутри. В принципе берет на борт шестьсот пассажиров, но в Антарктику нельзя возить больше четырехсот. Это одно из самых больших судов в Южном океане, однако малютка по сравнению с круизными теплоходами других морей. За последние три года пережил пожар и столкновение с айсбергом. С марта по ноябрь корабль циркулирует по более теплым местам, поэтому на

верхней палубе имеется постоянно действующее джакузи. Мне ни разу не приходилось видеть, чтобы кто-то, кроме меня, им пользовался.

Гигантские буравестники.

Команда, как обычно в наши дни, интернациональная: капитан - хорват, офицеры - норвежцы, механики - поляки, оркестр русский, гиды в основном англичане, водители надувных лодок - шотландцы, а остальной персонал преимущественно филиппинцы с Лусона. Надо видеть, как они подпрыгивают, когда я обращаюсь к ним на тагалог. Пару раз я пытался заговорить по-русски с музыкантами, но до них только под конец круиза дошло, что они не ослышались. Еще на борту имеются японец-переводчик и датчанин - ледовый капитан.

Кормят тут на убой: ресторан, буфет со "шведским столом", плюс кофе с булочками на корме круглые сутки. Я сразу понял, что питаться буду в буфете: быстрее и удобнее. Есть еще библиотека, кинозал, казино, карточная комната и так далее. От всей этой роскоши я чувствую себя совершенно не в своей тарелке, а обстановка почему-то ужасно напоминает "Титаник". По ночам мне снится, что меня поймали контролеры и выбрасывают за борт за безбилетный проезд.

Высматривать всяческую фауну лучше всего с носа, но в открытом море там обычно слишком холодно, сколько курток и свитеров не одевай. (Температура за все время ни разу не опускалась ниже минус трех, но ветер обычно держался в пределах шести-девяти баллов по Бофорту). Поэтому большую часть путешествия мне предстоит провести возле кофейного автомата на корме.

Некоторых из четырехсот пассажиров я за весь круиз видел всего раз или два. Средний возраст публики лет шестьдесят-семьдесят. В основном народ пребывает в каютах, казино, баре или на кружке вязания, лишь при высадках на берег появляясь на палубе. Зачем этим людям платить такие деньги и ехать в Антарктику, для меня загадка. Между тем многие здесь не впервые, а кое-кто вообще записался на весь сезон. Довольно значительная часть пассажиров проводит в круизах чуть ли не круглый год. С кем не заговоришь, почти все бывали в России: оказывается, маршруты по каналам и рекам Европейской части пользуются большой популярностью.

"Россия - страна закрытых дверей," - говорит мне один старичок. - "Сколько бы ни было дверей на входе куда-нибудь, открыта всегда почему-то только одна, остальные заперты. В чем причина, непонятно."

Мне это тоже всю жизнь было непонятно, но старичку я объясняю, что дело в холодном климате.

Моим планам в первый же день познакомиться с какой-нибудь девушкой не суждено сбыться: среди пассажиров молодежи почти нет, а среди команды симпатичных девушек две, и обе плавают с мужьями. Кое-кто путешествует с детьми. Детишки ужасно скучают и слоняются по кораблю, иногда нажимая на кнопки и откручивая вентили.

2.2. Всего через несколько часов я уже знаю всех людей на борту, хоть сколько-нибудь интересующихся происходящим вокруг. Вычислить их легко: они имеют теплую одежду и иногда появляются снаружи. На теплоходе их около десятка, не считая гидов. При этом, хотя среди пассажиров американцев и англичан примерно поровну (а прочих совсем мало), почти вся десятка "людей с биноклями" - англичане. Инструктор спецназа по выживанию в тропиках, банковский администратор, продавец автосалона... неважно, кем они работают, но у всех, видимо, имеется один и тот же ген, заставляющий людей тащиться на край света и часами высматривать в бинокль редких птичек и китов под ледяным ветром.

Гидов тоже десять человек. Публика интересная, в Антарктике уже давно. Особенно произвела на меня впечатление миниатюрная леди по имени Эмма. Она семь лет проработала рыбинспектором на Фолклендских островах. Работа ее заключалась в том, чтобы отыскивать в океане рыболовные суда, высаживаться на них с надувной лодки и проверять соблюдение всяческих правил.

Правила в британских водах строгие, особенно по части longline fishing. При этом методе с корабля отматывают длинный, до сорока километров, трос с тысячами крючков, наживленных мелкой рыбой. Если не принимать специальных защитных мер, альбатросы и буревестники часто хватают наживку и оказываются утянутыми на стометровую глубину. Альбатросы начинают гнездиться только в возрасте шести-восьми лет и медленно размножаются (один птенец раз в год-два), поэтому гибель взрослых птиц привела к быстрому уменьшению многих колоний.

Чтобы сократить число гибнущих альбатросов, сезон рыбной ловли в этих водах установлен зимой. В постоянный шторм Эмме приходилось карабкаться на борт по веревочной лестнице, проводить проверку и в случае нарушений требовать, чтобы судно шло в Порт-Стэнли для разбирательства. Один раз у китайского сейнера, который она конвоировала в порт, отказал движок, и она проторчала две недели на судне, где все кроме капитана говорили только по-китайски. У капитана были не в порядке какие-то бумажки, и он отсидел три месяца в островной каталажке. Тем не менее при следующей проверке, через год, оказалось, что команда завела на борту котенка и назвала его Эммой.

Кроме меня, больше всего времени на палубе проводит Крис, ирландский орнитолог. Он зоолог в четвертом поколении: порхающие у борта вильсоновы качурки названы в честь его прадеда. Самые маленькие птицы Южного океана, качурки размером и видом напоминают ласточек, однако спокойно комятся в открытом океане даже в самый сильный шторм.

2.3. Для большинства пассажиров в этот день ничего не происходит. Для нас с Крисом вокруг полно интересного. На первый взгляд море везде выглядит одинаково, но мы-то знаем, что глубина его меняется. Об этом можно судить по тому, какая вокруг живность. В обед мы проходим над банкой (мелководным участком в открытом море) Бурдвуд, где глубина всего метров шестьдесят. Вода тут чуть теплее, и сразу появляются более северные птицы: серые буревестники и мягкоперые тайфунники. Под вечер континентальный шельф заканчивается, глубина резко возрастает километров до двух, и на горизонте возникают наклонные фонтаны кашалотов. Серые буревестники исчезают, вместо них повсюду маленькие, изящные голубые тайфунники и расписные буревестники под старинным названием "капский голубок".

Ветер между тем достигает одиннадцати баллов, а шторм - девяти. Птицы несутся мимо нас с сумасшедшей скоростью, их почти не удастся рассмотреть, но они успевают подхватывать что-то с покрытой сплошным слоем пены поверхности моря.

Два дня назад была большая солнечная вспышка, и я с надеждой смотрю на небо: не разойдутся ли к ночи облака? Увы, нет. Полярные сияния, видимо, очень яркие: даже сквозь сплошную облачность после полуночи видны зеленоватые отсветы.

Хорошей погоды здесь можно дожидаться месяцами. Внутренние районы Антарктиды - одно из самых сухих мест в мире, но вдоль ее берегов круглый год движутся глубокие циклоны. На 50-60 градусах южной широты нет почти никакой суши, и ничто не мешает свирепым западным ветрам. На некоторых из субантарктических островов бывает всего два-три солнечных дня в году. Странствующие и королевские альбатросы пользуются постоянным западным ветром, и после каждого сезона гнездования совершают кругосветное путешествие вокруг Антарктики. Живут они очень долго, так что некоторым удастся проделать тридцать-сорок кругов. Во время выкармливания птенцов странствующие альбатросы с Южной Георгии каждые три недели летают за кормом к

побережью Бразилии, за восемь тысяч километров. Постоянные шторма позволяют им двигаться со скоростью до 130 километров в час.

2.4. К утру шторм немного поутих, но все равно раз в полчаса приходится выпивать по чашке горячего кофе, чтобы согреться. Если становится совсем холодно, залезаю в джакузи.

В обязанности Криса входит проводить по утрам для пассажиров "birdwatching hour" (час наблюдения за птицами). Поскольку у меня до прибытия на Южную Георгию работы нет вообще, я помогаю ему. На мероприятие собираются все те же десять моих знакомых плюс человек двадцать-тридцать случайной публики. То ли людям, не интересующимся природой, трудно запоминать подобные вещи, то ли возраст сказывается, но от раза к разу они успевают забыть все названия, и приходится каждый день заново показывать каждому из пассажиров все двадцать болтающихся вокруг корабля видов. При этом нам задают вопросы, иногда довольно неожиданные. Поначалу мне едва удавалось сохранить невозмутимый вид, когда меня спрашивали, какая разница между рыбой и кальмаром или нормально ли, что на небе днем видно луну. Потом привык. Самый лучший вопрос задала бодрая (бегала каждое утро трусцой вокруг корабля на протяжении минимум получаса) тетушка лет пятидесяти:

- Скажите, а на какой мы сейчас высоте над уровнем моря?

- Ноль, - ответил я.

- А когда мы поплывем южнее, мы все время так и будем на уровне моря?

- Я надеюсь.

- Спасибо! А то они по телевизору погоду и координаты показывают, а высоту почему-то нет...

В полдень мы пересекаем Полярный фронт. Антарктида окружена областью холодной воды, которая на определенном расстоянии от материка уходит с поверхности вглубь. Образуется довольно резкая граница с относительно теплой водой других океанов, называемая Полярным фронтом или, более научно, Антарктической конвергенцией.

Разница в температуре воды совсем небольшая. При пересечении Фронта летом она снижается с пяти-девяти до одного-трех градусов, зимой с трех-четырёх до минус одного. Но количество планктона при этом резко возрастает, и все вокруг меняется. Вода из зеленовато-черной становится бледно-зеленой, количество птиц в поле зрения за каких-то полчаса подскакивает с пары десятков до нескольких тысяч. Больше всего прионов - серо-голубых птичек со стремительным, неровным полетом. В клюве у них планктонный фильтр, вроде китового уса. Иногда их так много, что вся поверхность океана словно покрыта движущимся серым ковром. Над самим фронтом кормятся маленькие, легкие полярные крачки, которые каждый год прилетают сюда из Арктики.

Раньше Фронт совпадал с зимней границей плавучих льдов. Но с потеплением климата все изменилось. Вокруг Южной Георгии, которая южнее Фронта на триста километров, море не замерзало ни разу за последние двадцать лет.

2.5. Каждый день начинается одинаково, разве что просыпаться мне приходится все раньше. Мы движемся на восток, а я стараюсь не пропустить рассвет. Сегодня встаю в четыре. За окном уже довольно светло. Включаю телевизор. По одному из каналов постоянно показывают местонахождение судна, температуру воды и воздуха, силу ветра и волн. Воздух плюс семь, вода плюс два, ветер юго-западный, девять баллов, шторм семь, до Южной Георгии осталось меньше ста миль. Умываюсь, проверяю батарейки в фото- и видеокамере, долго и вдумчиво одеваю на себя последовательно многочисленные теплые шмотки, закрываю крышку иллюминатора (чтобы стюард не догадался, что он отдраен) и шагаю к лифту.

Сервис на корабле несколько навязчивый. Каждый раз, вернувшись в каюту после часового отсутствия, я обнаруживаю, что постель застелена, а все вещи аккуратно разложены по ящикам, откуда мне долго приходится их вытаскивать - люблю, чтобы все было под рукой. Сплю я урывками, раза три-четыре в сутки, и бедняга стюард каждый раз застилает койку. Но мне никак не удастся его отловить, чтобы сказать, что этого можно и не делать.

Белолицый тайфунник.

На палубе, естественно, ни души. Первым делом обхожу корабль по кругу, проверяя, нет ли по углам ударившихся ночью в освещенные окна птиц - качурок и тайфунников. Если есть, их надо согреть, расчесать встрепанные перья и выпустить. Потом захожу на мостик - поздороваться с рулевым и взглянуть на метеосводку. Вокруг ничего не видно, кроме волн, тумана и птиц-прионов. Стою минут пять на носу, пока не замерзаю, и собираюсь идти на корму за кофе, когда впереди появляются снежные буревестники.

Это небольшие, чисто-белые птицы с черными глазами и клювом, очень красивые. Они гнездятся на скальных карнизах самых высоких гор, иногда в глубине Антарктиды за сотни километров от берега, а кормятся вокруг ледовых полей и айсбергов. Я подношу к глазам бинокль и вижу впереди треугольный силуэт. Рулевой давно заметил айсберг на экране радара, и мы чуть-чуть изменяем курс. Если бы я был пассажиром, мне бы полагалась бутылка шампанского за первый увиденный айсберг. Но я как бы член команды.

Айсберг.

За кормой уже висят в тумане альбатросы. Ночью они не следуют за кораблем, предпочитая охотиться за поднявшимися к поверхности кальмарами и крилем, а утром постепенно собираются к нам, привлеченные всякой мелкой живностью в потоке воды от винтов. Вскоре их уже сотня-две, плюс столько же гигантских буревестников и пара десятков бурых тайфунников. Сказывается близость Южной Георгии.

В пять на палубе возникают Крис и филиппинец с подносом горячих булочек. В семь мы наскоро завтракаем и спешим на нос: острова должны вот-вот появиться на горизонте.

И вот из тумана проступает черно-белая стена, увенчанная зубцами горных пиков. Море вокруг нас буквально кишит морскими котиками, пингвинами, альбатросами и буревестниками, а ведь мы еще на западной, относительно бедной жизнью стороне.

Южная Георгия расположена чуть южнее Полярного фронта, в самой богатой планктоном части Мирового океана, и к тому же вытянута с северо-запада на юго-восток. Западные ветры сдувают верхний слой воды от восточного берега, и там к поверхности поднимаются богатые питательными веществами глубинные воды. В результате этого процесса, называемого апвеллингом, а также столкновения двух течений из Антарктики создаются идеальные условия для морской фауны. На архипелаге размером 180 на 30 километров гнездится около шестидесяти миллионов морских птиц тридцати видов. Каждое лето на берега выходят для размножения два миллиона котиков и триста тысяч морских слонов.

Антарктические морские котики.

Но это лишь небольшая часть бывшего изобилия. Численность млекопитающих до сих пор восстанавливается после двух столетий промысла (одних только крупных китов здесь было убито почти двести тысяч). Китобои завезли на Южную Георгию крыс, и теперь мелкие морские птицы там почти не гнездятся - их колонии уцелели в основном на небольших островках, которых около двух десятков, и в изолированных ледниками частях главного острова. Такая же участь постигла единственную здесь певчую птицу - маленького конька.

2.6 Мы обходим острова с запада и заходим в первую бухту - окруженный низкими скалистыми сопками залив Элзехул.

Склоны вокруг все в белых точках: по берегам залива разбросаны колонии птиц. На вершинах холмов гнездятся странствующие альбатросы, которым нужен сильный ветер, чтобы взлететь с суши. Чуть пониже - гнезда чернобровых и сероголовых альбатросов. Они очень похожи, но чернобровые летают кормиться в районы южнее Полярного фронта, а сероголовые - севернее. Из-за разницы в количестве корма первые размножаются каждый год, а вторые - раз в два года.

Желтоволосые пингвины.

На скалистых склонах живут желтоволосые пингвины с пучками длинных, тонких золотистых перьев по бокам головы. По-английски они называются macaroni penguins. Я долго не мог выяснить, откуда взялось такое название, но в конце концов узнал, что в XVIII веке в Англии так дразнили молодых людей, красивших прядь волос перекисью по тогдашней итальянской моде. Пингвины обладают фантастической прыгучестью и скачут по скалам, как горные козлы. В основном желтоволосики гнездятся на холодной юго-западной стороне острова, редко посещаемой людьми.

У самой воды стоят кучками королевские пингвины и валяются морские котики.

Я уже предвкушаю близкое знакомство с птенцами в гнездах и их родителями, но тут выясняется, что высаживаться на берег мы не будем. Во-первых, пассажирам круизных теплоходов теперь разрешена высадка только в единственном на острове поселке, а во-вторых, это опасно: могут покусать котики.

Котиков тут действительно тысячи, и найти свободное место для высадки было бы непросто, хотя при желании, конечно, можно. Обидно ужасно. В бинокль я вижу, как, раскинув крылья и задрав к небу клювы, танцуют на сопках альбатросы. Вижу даже птенцов - огромные шары белого пуха. Не судьба.

«Зодиак».

Вместо высадки нам предстоят туры вокруг бухты на надувных лодках под названием "зодиак". Ветра в заливе почти нет, но зыбь все-таки чувствуется. Усаживать в качающиеся вверх-вниз лодочки сотни стариков и старух - развлечение еще то. Зато мне, как гиду, можно сделать не один круг, а пять.

Антарктические морские котята.

Антарктические морские котики очень красивые, коричневые с кремовым брюшком. В одном месте я вижу редкого гостя - субантарктического котика, который обычно водится на островах севернее Фронта. Он совсем расписной, с оранжевой мордой и шоколадным чубчиком. Любопытные черные котята, увидев лодку, забегают в прибой, чтобы рассмотреть нас поближе. Некоторые самки еще только рожают - тут и там бурые поморники дерутся из-за обрывков последов.

Спящий котик.

Наблюдать за жизнью лежбища можно бесконечно: то самцы устроят поединок, то чайка примется играть с котенком в перетягивание каната обрывком водоросли, то самка наорет на пингвина, нагло карабкающегося по головам детенышей. Строгие бакланы с презрительным видом взирают на происходящее со скал. Их собственные, покрытые бурым пухом птенцы похожи на воспитанных детей: не шумят и не капризничают, а скромно сидят в гнездах, дожидаясь, когда будут кормить.

Бакланы с птенцами.

2.7. Наконец круг по бухте проделали все желающие, но поднимать якорь мы не торопимся. Как объяснил мне капитан, наша задача - прийти в поселок не раньше полуночи, иначе придется платить за лишний день якорной стоянки.

Мне очень хочется как можно большую часть побережья увидеть засветло, и я предлагаю переместиться в Залив Островков (Bay of Isles) в сорока километрах к востоку. Капитан вначале отказывается, но я подговариваю троих пассажиров подойти к нему с тем же предложением. Желание пассажира - закон.

Самочка морского котика.

Едва выйдя из залива, мы оказываемся в окружении китов. Погода на этой стороне острова гораздо лучше: безветренно и почти ясно, даже вершины гор торчат из рваных облаков. На зеркальной глади моря тут и там появляются блестящие черные спины южных китов. Узнать их легко с любого расстояния: спинного плавника нет, фонтан раздвоен буквой V. Они очень медлительные, и иногда оказываются настолько близко от борта, что можно сосчитать морских желудей у них на макушках.

Чуть дальше от берега плещутся киты-горбачи. Из всех китов за ними интереснее всего наблюдать, потому что они вечно что-нибудь вытворяют: то хвостами плещут, то выпрыгивать из воды примутся, то соберутся стайкой и устраивают групповой секс.

Ветер совсем стих, и альбатросы больше не летают вокруг корабля - они кучками сидят на воде, не желая работать крыльями. Вода тут бутылочно-зеленого цвета от обилия диатомовых водорослей. Иногда мы пересекаем широкие, метров по сто, полосы зоопланктона. Если полоса красноватая - это криль, похожие на креветок рачки длиной в мизинец. Если белесая - это сальпы, висящие в воде гроздьями существа, напоминающие маленькие полиэтиленовые пакеты. Дальше к югу скопления криля иногда достигают сотен километров в поперечнике.

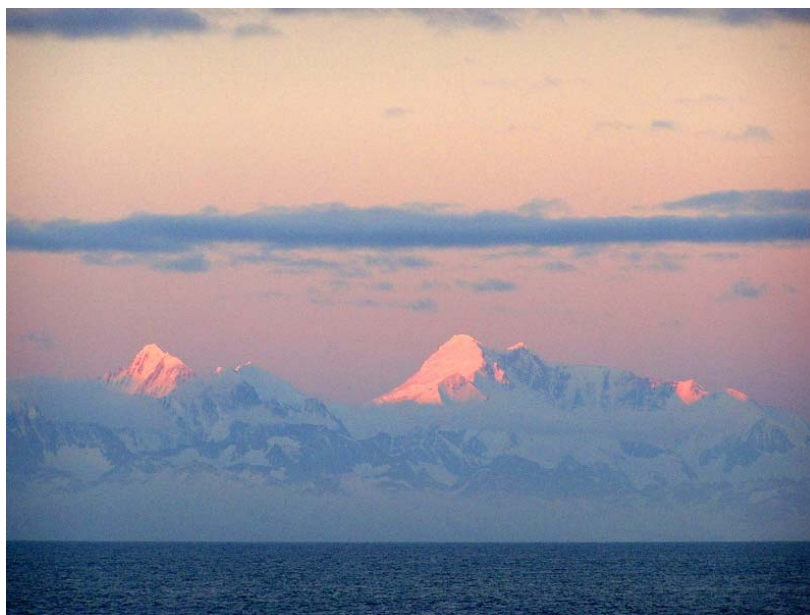
Берега Южной Георгии.

В Заливе Островов есть несколько рифов и два островка. Один называется островом Альбатросов, другой - островом Прионов. На острове Прионов на первый взгляд никого нет, только песни коньков доносятся по ветру (крысы там не водятся). Но в бинокль видно, что травянистые склоны сплошь испещрены норами птиц - прионов, голубых тайфунников, качурок, ныряющих буревестников. Начинает темнеть, хищники - поморники и чайки - улетают на ночевку, и из нор появляются их обитатели. Воздух наполняется криками и шумом крыльев: сотни тысяч птиц устремляются в море за кормом или возвращаются к гнездам.

Ныряющие буревестники - маленькие, толстенькие птички. Они перемещаются огромными стаями, а крылья у них короткие и очень сильные - под водой ими можно пользоваться так же, как и в воздухе. Завидев скопление криля, несколько тысяч птиц разом пикируют в воду, не моргнув глазом, продолжают полет сквозь прозрачную толщу, а потом, как ракеты, "выстреливают" обратно в воздух и летят дальше, словно комариный рой. Прионов и ныряющих буревестников здесь по два вида, внешне почти неразличимых, но летающих кормиться на разное расстояние от берега.

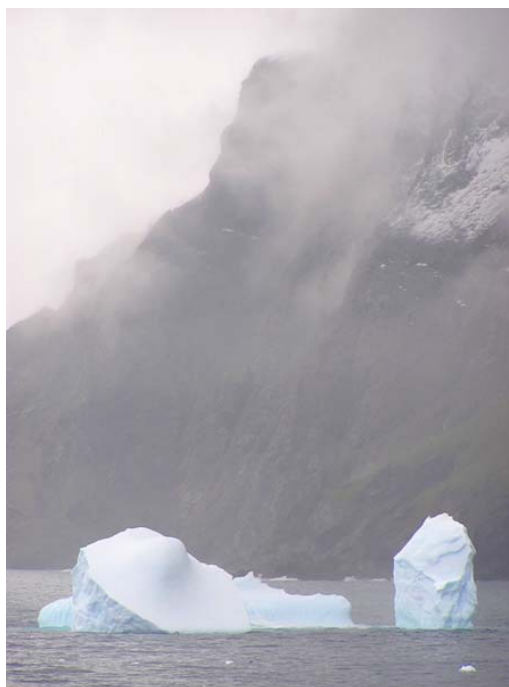
В темноте мы продолжаем медленно-медленно двигаться на восток. Из-за постоянного торчания на холодной палубе у меня прорезался зверский аппетит - я быстро привык завтракать, обедать и ужинать по два раза. Давно я так много и вкусно не ел. В буфете каждый день новая кухня: то французская, то итальянская, то китайская. Умяв второй ужин, иду в каюту. Солнце встает в полпятого, значит, чтобы не пропустить рассвет, надо проснуться без четверти четыре.

2.8 Утро застает нас у входа в залив Камберленд. Горы еще в тумане, но небо над головой ясное, тепло и почти безветренно. С разных сторон в залив стекает шесть ледников, поэтому на отмелях виднеются десятки небольших голубых айсбергов.

Рассвет на Южной Георгии.

Берега Южной Георгии издали кажутся очень неприветливыми: отвесные черные скалы, заснеженные пики, сползающие в море ледники, бешеный прибой. Но если зайти в один из многочисленных фьордов, оказывается, что здесь и трава растет, и относительно ровные участки кое-где попадаются. Правда, вся зелень кончается на высоте примерно метров ста, а дальше - вертикальный мир голых утесов, ледопадов и снега, где живут только лишайники и снежные буревестники.

Севшие на мель айсберги.

На низменном берегу маячит стадо северных оленей. Их когда-то завезли из Лапландии китобои. Местные жители шутят, что все олени в упряжке Санта-Клауса - с Южной Георгии. Иначе у них не было бы рогов на Рождество - ведь самцы северных оленей сбрасывают рога на зиму.

Залив Гритвикен.

Во времена котикового и китобойного промысла на острове было пять поселков, сейчас остался один - Гритвикен, да еще маленькая научная станция на острове Птичьем чуть дальше залива Эльзехул. Кроме четырех постоянных жителей и приезжающих на полгода ученых, в поселке одно время обитал взвод солдат - наследие Фолклендской войны, когда Аргентина на несколько недель оккупировала Южную Георгию. Сейчас казармы стоят полупустые - если вам когда-нибудь повезет и удастся попасть на остров надолго, проблем с ночевкой не будет.

На лето сюда привозят рабочих, которые постепенно разбирают остатки китобойной станции. Пока берег вокруг поселка еще кое-где завален ржавыми железками, гигантскими котлами для вытопки ворвани и пустыми цистернами.

В поселке имеются доставленная в разобранном виде из Норвегии деревянная церквушка и очень интересный маленький музей. Кураторы музея - Тим и Полина Карр, старожилы Гритвикена. Лет двадцать назад, сразу после свадьбы, они продали все, что у них было, и купили очень старую девятиметровую яхту под названием Curlew ("кроншнеп"). Десять лет они плавали по свету. Маршруты включали первый в истории заход на Антарктический полуостров на маленькой безмоторной яхте, путешествия в Арктику и большинство тропических морей. На Южной Георгии им так понравилось, что они решили поселиться здесь навсегда. Они потихоньку ремонтируют и пополняют музей,

а в свободное время ходят на яхте вокруг острова и на Фолклендские острова, где проживает вся администрация Южной Георгии.

Наш теплоход «Марко Поло» на рейде Гритвикена.

Высадить на берег и потом привезти обратно четыреста человек - процесс долгий и нудный. Каждому из пассажиров позволяется пробыть на суше всего два часа. Обязанность гидов - стоять в стратегических местах, следя, чтобы никто не отходил от тропы и не приближался к потенциально опасным животным (т.е. любому существу крупнее птички-конька). Нам с Крисом выпадает стоять в карауле у места высадки. Поглядев на меня, он дожидается, когда рядом никого не будет, и говорит:

- Ты тут первый раз, можешь вокруг побегать. Я как-нибудь справлюсь. Только парку сними, чтобы тебя с корабля не заметили.

Всем участникам круиза выдали ярко-красные куртки-парки. Снимать их во время высадки в принципе запрещено, потому что если потеряешься, в парке тебя издали видно. У меня, как у большинства зоологов, инстинктивное отвращение к яркой одежде. Я с облегчением запикиваю парку в рюкзак, оставшись в защитно-зеленой куртке, и убегаю за холмы.

Наконец-то на берегу!

2.9. В моем распоряжении восемь часов, но я с удовольствием провел бы здесь месяц-другой. Мало есть на свете мест, по которым было бы так здорово ползать.

Линяющие королевские пингвины.

Пляжи вокруг поселка оккупированы королевскими пингвинами. Пуховых птенцов тут уже нет, но много линяющих подростков, ужасно смешно выглядящих. Чуть дальше гуляют морские котики. Завидев прохожего, они с собачьим лаем устремляются навстречу, иногда норовя тяпнуть за ногу. Чтобы их отпугнуть, достаточно хлопнуть в ладоши (вечером, однако, выяснилось, что кому-то из пассажиров штаны все-таки порвали).

Котик и пингвины.

По низменным участкам растет кочковая трава (tussock grass), роскошное темно-зеленое растение в человеческий рост. Гулять между кочками надо осторожно: котики используют их как подушки, а протоптанные в кочкарнике глубокие тропы ведут к безмятежно спящим морским слонам. У них сезон размножения давно закончился, но теперь они снова вышли на берег, чтобы перелинять.

Морской слон.

Чуть выше склоны покрыты мятликом и аценой (burnet) - маленьким растением типа лапчатки. Плоды у нее напоминают ржаво-коричневый репейник, торчащий из травы на коротких стебельках.

Плоды ацены и колосок мятлика.

Ручьи обрамлены роскошными коврами ярко-зеленого мха. Мягкие моховые подушки достигают шести метров в толщину. По данным радиоуглеродного анализа, они медленно, непрерывно растут вот уже восемь тысяч лет - с тех пор, как побережье освободилось ото льда.

Моховая подушка.

Еще десять минут подъема, и вокруг поля покрытой разноцветными лишайниками щебенки. По ним хочется шагать до бесконечности - к дальним горам, вдоль растрескавшихся ледников, мимо маленьких озер. Широкие долины ведут к скалистым склонам хребта Аллардис, увенчанного пиком Сахарная Макушка, почти три тысячи метров высотой. Я понемногу начинаю завидовать Тиму и Полине.

Лишайники.

Переваливаю через невысокий хребет и оказываюсь в маленькой, обрамленной черными скалами бухте. Туман почти исчез, снежные вершины сверкают на солнце. В бухте нет ветра и совсем тепло. В рюкзаке у меня плавки, маска и полотенце. Переждав, пока успокоятся пингвины и котики, я раздеваюсь и захожу в воду.

Королевские пингвины.

Оййййй!!! Даже на отмели вода не теплее градусов девяти, а чуть дальше и вовсе ледяная. Но там так красиво, что я готов терпеть. Со дна поднимается лес похожих на осьминогов гигантских водорослей-макроцистисов. Это самые длинные в мире живые

организмы: некоторые пряди вырастают метров до двухсот. Между стволами разгуливают по мидиевому ковру полчища крабов. Сквозь пронизанные солнцем заросли, оставляя шлейф пузырьков, проносятся стремительными торпедами пингвины и котики. Пингвины не обращают на меня внимания, а котики иногда подплывают, заглядывают в маску и подталкивают носом, приглашая поиграть. Почесать им животик я соглашаюсь, но в догонялки - увы. В окружении веселых, гибких, шустрых зверей чувствуешь себя медлительным инвалидом.

Чуть дальше водоросли расступаются. Среди подводного леса много таких полян, проделанных ползущими по дну мелкими айсбергами. Над покрытым ледниковыми булыжниками дном плавают колючие скаты, камбалы, большеголовая антарктическая треска и бледно-серые белокровные щуки. Это единственные рыбы, заходящие на юг до самой Антарктиды. В крови у них очень много соли и совсем нет гемоглобина - иначе кровь замерзла бы. Но содержание кислорода в воде здесь такое, что можно и без гемоглобина обойтись.

Из глубины возникает морской слон, медленно описывает круг, встречается со мной взглядом и, по примеру котиков, тыкается мягким хоботом. Провожу рукой по жесткой шерсти - трехтонный зверь вздрагивает и легко уносится вдаль. Тут я понимаю, что совершенно закоченел, и спешу на берег. Мне удалось провести в море целых пять минут.

Морской слон линяет.

Вытеревшись и согревшись, шагаю дальше по пляжу. Чайки сосредоточенно отдирают от камней морские блюдечки, маленькие антарктические крачки сидят на камнях или ныряют в море за рыбой. Бурый поморник прыгает вокруг мертвого пингвина,

пытаясь оторвать кусок. Пляж упирается в скалы. Карабкаюсь на очередной хребтик - и оказываюсь в колонии птиц.

Крачка Южной Георгии.

Чайки не обращают на меня внимания и продолжают сидеть на гнездах, а крачки устраивают настоящую истерику и даже отвешивают мне несколько легких подзатыльников. Чтобы не беспокоить птиц зря, поднимаюсь еще выше и выхожу к краю поросшего лютиками плато. Отсюда открывается вид на залив, курсирующие между кораблем и поселком "зодиак" и косяки айсбергов у края дальнего ледника. По оврагу течет ручей в обрамлении мокрых подушек разноцветного мха.

Ручеек среди мха.

А вдоль скал у меня под ногами летают дымчатые альбатросы. По-моему, это самые красивые птицы Южного океана. Размах крыльев у них всего метра два. Они шоколадно-коричневые с серебристой спиной, черным клювом и белым полукольцом вокруг глаза. Крылья и хвост у них длинные и узкие, а полет стремительный и уверенный. Гнездятся они позже других, так что сейчас сезон ухаживания. Брачный танец дымчатых альбатросов - совершенно невероятное зрелище. Не обращая внимания на шквальный ветер, птицы летят вдоль скал бок о бок, почти соприкасаясь кончиками крыльев и в точности повторяя каждое движение друг друга. Пройдя вдоль всей скальной стены, они описывают широкий круг над морем и снова скользят вдоль обрыва. Порывы ветра то и дело пытаются швырнуть их о камни, но птицы отвечают на них лишь едва заметным наклоном крыльев или поворотом хвоста.

Брачный полет дымчатых альбатросов.

На противоположном склоне оврага дымчатый альбатрос строит гнездо. Он выбрал голую площадку среди кочек и утаптывает ее широкими перепончатыми лапами. К тому времени, когда он наконец решает перейти к сооружению травяного настила, мне уже пора возвращаться к поселку.

Дымчатый альбатрос строит гнездо.

Утка-шилохвость.

В Гритвикене пингвины, котики и морские слоны попадают на улицах. На травке между домами пасутся утки-шилохвосты. Летом они едят траву и водоросли, а к концу зимы, когда вся растительность оказывается под метровым слоем снега, переходят на падаль. Есть и несколько южноамериканских чирков. Они появились на острове в 1970-х годах и пока водятся только вокруг поселка.

Пара шилохвостей.

В километре от поселка находится маленькое старинное кладбище, окруженное заборчиком для защиты от не разбирающих особо дороги морских слонов. Вокруг растут одуванчики и прочие европейские цветы, завезенные на остров с норвежской землей (у норвежцев принято хоронить умерших в земле с родины). Кроме китобоев и моряков, там похоронен один из самых талантливых путешественников в истории - Шеклтон.

2.10. Эрнест Шеклтон (1874-1922), по-видимому, унаследовал ген путешествий от обоих родителей, и был он, подобно мне, слегка на этой почве чокнутым. В шестнадцать лет он плюнул на отцовский бизнес и устроился матросом на корабль. Совершенно случайно это оказался первый в истории корабль, обогнувший мыс Горн зимой (после двух месяцев неудачных попыток). Через десять лет Шеклтон считался одним из лучших капитанов британского флота. Он участвовал в первой антарктической экспедиции Скотта, а в 1907 году возглавил собственную экспедицию. Это было чисто научное предприятие, тем не менее результатами разведочных вылазок были покорение вулкана Эребус, пересечение Трансантарктического хребта и открытие Полярного плато. Во время одного из походов Шеклтон с товарищами оказался менее чем в сотне миль от полюса, и только непрерывный шторм заставил его повернуть обратно. Проложенными им маршрутами через горы пользуются до сих пор.

Так уж сложилось, что в истории исследования Антарктики неудачи получили большую известность, чем успехи. Первым до полюса добрался, как известно, Амундсен (в 1911 году), но про трагически закончившуюся экспедицию Скотта написано, наверное, в сто раз больше. Шеклтон тоже вошел в историю благодаря своей второй экспедиции - вообще говоря, неудачной.

В 1914 году он отплыл из Англии на корабле Endurance ("выносливость"), намереваясь перейти Антарктиду от берега до берега. Чтобы собрать средства на экспедицию в разгар войны, ему пришлось влезть в долги, заложить дом и продать все вплоть до платьев жены.

"Как вы яхту назовете, так она и поплывет". В тот год сложилась крайне тяжелая ледовая обстановка. Несмотря на многие месяцы упорных попыток, корабль не смог достичь побережья и в конце концов был раздавлен льдами. 28 участников экспедиции оказались на льду с припасами и тремя семиметровыми шлюпками. Они потихоньку буксировали шлюпки на север, пока лед не начал таять. После изнурительного путешествия по разводьям им удалось достичь Слоновьего острова - одного из Южных Шетландских островов. Ближайшим населенным местом была Южная Георгия в 1300 километрах к северо-востоку. Шеклтон отобрал пять человек и отплыл в одной из шлюпок, оставив остальных на узкой полоске пляжа между морем и скалами.

Южный океан в начале зимы - худшее место для мореплавания, какое только можно себе представить. Одежда и спальные мешки промокли в первые пять минут, когда шлюпка преодолевала прибой. Высушить их так и не удалось. Согревались вычерпыванием воды: лодка дала течь. На четвертый день начался десятибалльный шторм и уже не прекращался. Теперь, кроме вычерпывания, надо было еще с утра до вечера обкалывать намерзавший на борта лед. Чтобы облегчить шлюпку, пришлось выбросить за борт спальные мешки и почти все продукты. Несколько раз ледяная вода заливала лодку до половины. Когда проглядывало солнце, полуживые от холода и усталости люди пытались определить свое местонахождение. Обмороженные, содранные до кости пальцы примерзали к секстанту, ветер постоянно грозил унести кого-нибудь за борт.

Тем не менее на шестнадцатый день плавания (вода кончилась через две недели) они нашли Южную Георгию, точку в океане. Шторм к тому времени перешел в ураган. Прошло еще два дня, прежде чем удалось преодолеть прибой и рифы и высадиться на берег. Они оказались на южной стороне острова, а все поселки китобоев находились на более теплой северной. Взяв двух человек, еще способных двигаться, Шеклтон впервые в истории перешел через горы - два дня пути по глубокому снегу и ледникам, через километровой высоты перевалы. Они несколько раз проваливались по пояс в воду засыпанных снегом ручьев, но все же достигли станции Стромнесс.

Горы Южной Георгии.

Потребовалось четыре попытки на четырех разных судах, чтобы добраться до Слоновьего острова и забрать остальных участников, находившихся к тому времени на грани помешательства. В 1917 году Шеклтон вернулся в Англию, не потеряв ни одного человека. Вплоть до 1940-х годов две экспедиции Шеклтону оставались практически единственными в истории изучения Антарктики, обошедшимися без жертв.

В 1922 году он снова был в Антарктике во главе новой экспедиции. Но его здоровье было подорвано пятью годами без путешествий. Болезнь сердца, которую ему всю жизнь удавалось скрывать, обострилась, и он скончался на рейде Гритвикена от инфаркта - по-видимому, далеко не первого.

Наш круиз официально называется "По Шеклтоновским местам". Одна из пассажирок - внучка сэра Эрнеста. Она совсем старенькая, почти не выходит из каюты и ни с кем не разговаривает. До могилы Шеклтона нам приходится буквально нести ее на руках. Я собираю несколько лютиков, и она оставляет их перед надгробной плитой.

Все жители поселка приглашены на борт на ужин. За ужином я в основном слушаю рассказы Полины и Тима Карр о жизни на острове. О том, как во время восхождений на горные вершины они порой натываются на стайки снежных буревестников, безмятежно купающихся в сугробах. О том, как ранней весной приходится каждый день обходить пляж с мотком веревки, спасая новорожденных детенышей морских слонов: снег под слонятами протаивает, и иногда они оказываются в глубоких лунках, из которых не могут выбраться. О дружбе с постоянными соседями - чайками и поморниками. О прогулках вдоль побережья на крошечной яхте без мотора. О регулярных вылазках к кладбищу за листьями одуванчиков - единственным источником витаминов. Об альбатросах, морских леопардах и китах.

Только под утро мы выходим из залива и медленно движемся дальше на восток.

Южная Георгия.

2.11. В этот раз я не зря встал к рассвету. На небе ни облачка, море гладкое, как зеркало. Восточная часть острова - самая гористая, непрерывный частокост острок пиков. Еще вчера за ужином я воспользовался моментом и выцыганил у капитана разрешение

заходить на самый нос корабля - туда обычно не пускают никого, кроме матросов. Это лучшая позиция для наблюдений за фауной. Часа через два мне удастся увидеть южного плавуна - редкого маленького кита. Более крупных китов вокруг по-прежнему десятки, весь горизонт в фонтанах.

Линяющие королевские пингвины.

Мы заходим в небольшой заливчик под названием Золотая Гавань. Сегодня мне предстоит водить "зодиак" - один из наших шотландцев не в форме после вчерашнего ужина. Хорошо, что волн совсем нет. Я ведь далеко не такой профессионал - еще уронил бы кого-нибудь в воду...

Как и все прочие фьорды Южной Георгии, залив окружен высокими горами. С одной стороны спускаются два эффектных ледопада, на другой часам к девяти "включаются" несколько стометровых водопадов из тающего на склонах снега. Навстречу кораблю вылетает пара белых ржанок - странного вида птиц, немного похожих на голубей с головой курицы. В Антарктике они выполняют функцию мусорщиков, поэтому обычно встречаются возле колоний пингвинов и полярных станций. Полет у них с виду неуклюжий, однако на зиму они улетают в Патагонию, пересекая океан. Они совершенно не боятся людей, расхаживают по перилам палубы и поразительным образом оказываются на всех фотографиях, снятых в этот день на борту.

Белая ржанка.

Главная достопримечательность залива - колония королевских пингвинов. Их тут немного, всего тысяч пять (на острове Кергелен есть колония в триста тысяч). Большинство птенцов уже ростом почти со взрослых, но по-прежнему представляют собой шары из бурого пуха. Они стоят кучками по несколько десятков, так называемыми "детскими садами", в окружении котиков и морских слонов. Пингвинята такие толстые, что не могут опустить крылья. Выше на склонах толпятся небольшие пингвины папуа, черно-белые с красным носом и белой полосой позади глаз.

Пингвины у ледника.

Белая ржанка.

Я провожу полдня, выписывая на лодке круги по заливу. Вокруг плавают несколько совсем маленьких, размытых волнами айсбергов. По-английски они называются bergy bits. Моряки их ненавидят, потому что их не видно на радаре и практически невозможно заметить ночью или в туман. Но они бывают очень красивыми, причудливых форм и расцветок, а здесь к тому же служат игрушками для молодых котиков, которые съезжают с них, как с горки, играют в "царя горы" или раз за разом прыгают с верхушки в воду.

Совсем маленький айсберг.

Королевские пингвины.

К тому времени, как последние из пассажиров возвращаются на борт, становится совсем тепло. Филиппинцы-повара жарят на палубе шашлыки, вокруг в шезлонгах загорает народ - Таити, да и только. А вокруг проносятся по волнам стаи пингвинов, уходя в океан или возвращаясь к птенцам. Плавают за кормом королевские пингвины очень далеко - к Полярному фронту, от некоторых колоний это больше пятисот километров в один конец.

Пингвинята и котики.

Фьорд окружен вертикальными скальными стенами.

2.12. Наша последняя остановка на Южной Георгии - Drygalsky Fjord, узкий залив на юго-восточной оконечности острова. Он стиснут километровой высоты скальными стенами, с которых спускается пять больших ледников. Это самое холодное место на острове, поэтому тут живут антарктические тюлени Уэдделла, а в скалах гнездятся снежные буревестники. Больше, кроме нескольких пар белых ржанок и чаек, во фьорде нет ничего живого. Вода тут зеленовато-серая от мельчайшей скальной пыли, выносимой с ледников подледными ручьями.

Стекающий в море ледник.

Наш капитан считается одним из лучших в Антарктике, и не зря: ему удастся не только провести корабль по узкому фьорду, но и развернуться в конце, в двух шагах от синих обрывов ледников. К этому времени солнце заходит за горы, и сразу становится холодно. Народ с палубы в буквальном смысле ветром сдувает: сердитые воздушные потоки скатываются с ледников, вспенивая воду. Проходя мимо мостика, я бросаю взгляд на барометр: давление стремительно падает.

Южная Георгия с юго-запада.

На палубе нас остаюся всего трое, самые выносливые. Корабль выходит из залива и поворачивает на юг. Справа обрывается в море мыс Разочарования, самая южная точка острова. Название дано Джеймсом Куком, который, обогнув мыс, понял, что открытая им земля не является частью гипотетического Южного Континента. (На самом деле до Кука остров видели капитаны нескольких китобойных судов, но Кук об этом не знал, и в любом случае он был первым, кто высадился на берег и нанес очертания островов на карту).

Еще несколько минут, и мы видим весь юго-западный берег острова, уходящую вдаль белую стену. Свежий снег лежит на склонах почти до самого прибоя. Климат на этой стороне гораздо хуже, чем на северо-восточной. Увидеть весь остров целиком, как сейчас, мало кому доводилось. Солнце садится, горы становятся кроваво-красными, над ними поднимается полная луна, а между кораблем и берегом качается на тяжелой зыби ярко-голубой айсберг.

Юго-западный берег Южной Георгии.

Проходит каких-то полчаса, и из цветов вокруг остается только серый. Мы входим в туман, начинает идти мелкий колючий снег. На перилах замерзают соленые брызги. Я доползаю до каюты, раздеваюсь и бросаю последний взгляд в иллюминатор. Море уже все в пене от ветра, корабль довольно ощутимо качается.

Скорей бы утро.

Айсберг.

Рай земной - пляжи южных морей:
Солнца блики, как россыпь улыбок,
Волны теплые - прыгай скорей!
Чудо-краски коралловых рыбок...

Мы сегодня в широтах других:
Море здесь - словно хищник голодный,
Его ненависть в шквалах тугих,
В качке нудной и брызгах холодных.

Напряженно гудит каждый трос,
На снастях быстро лед нарастает,
И смеется нам всед альбатрос,
Среди шторма беспечно летая.

Ни секунды нельзя отдохнуть,
Не согреет ни кофе, ни водка,
И звучит, как совет утонуть,
Долгосрочная метеосводка.

Сапогами по доскам скользя,
Матерится команда устало,
Но мы верим - иначе нельзя -
В жар солярки и прочность металла.

А вокруг - только злая вода,
Снег, туман, пена, бешеный ветер...
По секрету скажу, господа:
Нету большего кайфа на свете!